

подромъ, павильоны, далеко не наполненные публикой, отсутствіе мужчинъ, хотя сколько-нибудь для нея занимательныхъ, много „Богъ знаетъ“ какихъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ въ „ужасныхъ“ мордовскихъ и малороссійскихъ рубашкахъ, безъ перчатокъ, съ размашистыми жестами и окликаками гимназистовъ, долгоногихъ юношей въ блузахъ—давали ей ощущеніе не большихъ столичныхъ скачекъ съ миллионными пари, а чего-то совершенно провинціального. Она даже не захотѣла играть и на настоящихъ скачкахъ, бывшихъ уже раза два передъ тѣмъ, когда увидала, что въ кассѣ сидятъ артельщики въ родѣ тѣхъ разносчиковъ, у которыхъ Сосѣ покупала клубнику и вишни. А сегодняшнія состязанія—эти офицеры, въ фуражкахъ на затылкѣ, въ несвѣжихъ мундирахъ, многіе съ некрасивыми посадками—были для нея просто ученъемъ военныхъ, которыхъ пригнали въ полковой манежъ.

Когда нѣсколько дамъ вскрикнуло,—одинъ офицеръ упалъ въ лужу вмѣстѣ съ лошадью и сломалъ себѣ на носу *rinse-nez*, но оправился тотчасъ же и пошелъ бодро, хоть и весь въ грязи,—она даже оглянулась въ ихъ сторону и сдвинула брови, чуть не сказала имъ:

— Чего вы нервничаете?

Такъ ли она себя чувствовала два года назадъ, осенью, когда сидѣла на верху кареты, запряженной „four in hand“? И правиль принцъ... А потомъ, въ ложѣ, *lunch* съ шампанскимъ и возвращеніе, когда они пересѣли въ ландо: принцъ и четыре дамы. И чтѣ тогда было!.. Какихъ дурачествъ они ни выдѣлывали!?! Все ему тогда позволила бы каждая изъ нихъ; она—менѣе другихъ, зато она командовала имъ какъ собачкой всю недѣлю, пока онъ жилъ тамъ, всю недѣлю осеннихъ скачекъ.

Горькое чувство желчи во рту заставило Зину подавить съ трудомъ гримасу, идя за Сосѣ. Принцъ... наслѣдникъ трона. И каково!.. И вотъ этотъ длинный, армейскаго вида, офицеръ Рынинъ, который и ѣздитъ-то не умѣетъ такъ, какъ она или Сосѣ—особенно рысью,—и онъ смѣетъ здѣсь задавать тонъ, позволять себѣ „камуфлеты“, дѣлать ей замѣчанія, направлять ее, точно какую дѣвчонку!

Еще досадиѣе было ей и то, что послѣ разговора съ Рынинымъ, на царской дачѣ, она поглядѣла иначе на княгиню Трубчевскую. Въ ней что-то такое покачнулось. Чтѣ ей, въ сущности, за дѣло, что княгиня пріѣхала сюда хлопотать объ отдачѣ своего мужа подъ опеку? А хоть бы и такъ?! Онъ безпутный виверъ. Всѣ мужчины—или развратники, или моты, игроки, пьяницы.